

Шкляев А. Г.

Удмуртский государственный университет
skl-44@yandex.ru

**«УДМУРТ КЫЛЫН КАЛЕНДАРЬ / КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВОТЯКОВ» –
ПЕРВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ УДМУРТСКОЙ ПЕЧАТИ
(К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИСТОКОВ)**

В статье представлены результаты наиболее полного исследования первого периодического издания на удмуртском языке – «Удмурт кылын календарь / Календарь для вотяков», которое относится к так называемой «календарной журналистике». Учитель, методист, издатель, христианский миссионер, переводчик Евангелий И. С. Михеев под прикрытием церковного месяцеслова дал своему читателю целый массив секуляризированной светской информации из области политики, истории, этнографии, литературы, статистики, демографии, садоводства, агротехники, зоотехники, народной и научной медицины. В календаре представлены прообразы жанров, которые сегодня составляют «журналистику данных», отраслевую и научно-популярную журналистику. В силу того, что дальнейшее издание журнала было прервано цензурой, а затем негативно оценено советской вульгарно-социологической критикой, календари не получили своего продолжения, долго замалчивались и не входили даже в научный оборот. Сегодня календари И. С. Михеева считаются основополагающим явлением удмуртской журналистики.

Ключевые слова: «календарная журналистика», месяцеслов, первые переводы русской классики на удмуртский язык, первые оригинальные произведения на удмуртском языке.

«Проанализировав существующие государственные инициативы в области защиты языков и культур малых народов России, а также изучив основные векторы работы государственных и негосударственных объединений в этом направлении (в их числе Совет при президенте РФ по межнациональным отношениям, Гильдия межэтнической журналистики, Московский дом национальностей и др.), мы обнаружили, – пишут исследователи современной этнической журналистики, – что защита лингви-

стического и культурного плюрализма в медиасреде является одним из приоритетных направлений их деятельности» [12]. Ориентированность на изучение современной практики межнациональной коммуникации предполагает также изучение ее истории и, прежде всего, истоков и этапов развития истории периодической печати.

Между тем, самой неисследованной частью истории журналистики, как, впрочем, и любого другого вида деятельности, нередко являются ее первые годы возникновения и становления. Мало кто придает значение тому, что является началом, и только потом, когда то или иное начатое дело получает развитие, возникает потребность оглянуться назад и осмыслить происходящее. В такой ситуации оказалось и исследование истоков русской журналистики. «Долгое время... зарождение русской журналистики велось от 2 (13) января 1703 г., лишь в 1903 г., при подготовке к переизданию «Ведомостей» в связи с их 200-летием, были обнаружены рукописи более ранних номеров, а впоследствии достоверно установлено, что первые номера газеты вышли из печати еще в декабре 1702 г.» [5, 6].

Историки удмуртской журналистики еще лет двадцать назад установили и договорились считать начальной точкой отсчета объекта своего исследования 1904–1905 гг. В честь столетия этого события провели научную конференцию [3, 8]. Именно в 1904 г. вышел первый календарь («Удмурт кылын календарь / Календарь для вотяков») на 1905-й год (издавался ежегодно в течение 4-х лет). Именно периодичность отличает его от прочей печатной продукции. (Следует заметить, что И. С. Михеев один из первых в своих работах применил новое название своего этноса – «удмурт», «удмурт», а не навязанный этноним «вотяк», имеющий негативный оттенок (**воть** *прм.* вотякъ; шутч. и бран. болвань, дуракъ, разиня» [1]). В ранние советские годы в чрезмерно заидеологизированной историографии этот календарь оценивался не как исток, а, скорее, как негативное явление. Даже в годы «оттепели» михеевским календарям давали хотя и мягкую, но все же вульгарно-социологическую оценку. «Календарь проповедывал накопительство, индивидуализм, «разумную» эксплуатацию батраков – характерные черты нарождающейся национальной буржуазии» [7], – с осуждением писал автор главы коллективного труда, посвященной первому периоду истории национальной литературы. Но вскоре целый параграф с положительной оценкой деятельности И. С. Михеева выделит в своей монографии, изданной на венгерском языке в Будапеште в 1975 г. и в переводе на русский язык в 1993 г. в Ижевске, Петер Домокош [2, 13]. В наше время календарь почти во всех исследованиях упоминается лишь

вскользь, как нечто начальное и малозначительное, хотя он – один из первых письменных памятников, который необходимо переиздать с научными комментариями и факсимильными приложениями. Впервые в удмуртской критике календарь высоко оценил А. Н. Уваров, но в силу формата издания (небольшой книги) автор был слишком краток в своей характеристике календарей [9]. Тем не менее исследователь заметил, что И. С. Михеев очень внимательно относился к своей читательской аудитории, знал ее запросы и подробно объяснял читателям, как оформлять деловые бумаги: писать заявления, прошения, обращения во все инстанции, начиная с волостной администрации и суда до правительственного Сената и царя. В календарях, заметил исследователь, уже появилась реклама, в данном случае – реклама Карлыганской центральной вотской школы, Казанской учительской семинарии, печатной продукции на удмуртском языке.

Следует особо подчеркнуть, что И. С. Михеев издавал календарь на свои деньги, что свидетельствует о его бескорыстии и национальном патриотизме. Это значит, во-первых, что удмуртская национальная журналистика возникла как частное явление. Во-вторых, единственным ее автором и составителем календаря был сам Михеев: то, что некоторые материалы повторяются в разных номерах, говорит об отсутствии у составителя соавторов и корреспондентов, если не считать И. Яковлева, которому приписывается статья «Наша жизнь», где приводятся данные о тратах царского двора. В-третьих, календари заполнены не только народными рецептами и житейскими советами, но и таблицами, которые являются прообразом «журналистики данных». Так, в номере за 1908 г. присутствует таблица статистических данных о том, сколько удмуртов проживало в разных губерниях и, соответственно, в уездах этих губерний. Небольшой по численности этнос – 435 807 человек, как оказалось, проживал разрозненно в Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской, Самарской губерниях. Из этого можно сделать вывод о том, насколько был разобщен удмуртский этнос. Другая таблица (по убывающей) показывала, сколько мяса съедал рабочий в разных странах: Россия занимала в ней одну из последних строк. Третья таблица (по нарастающей) демонстрировала смертность населения разных стран, где царская Россия занимала одно из последних мест.

В первом номере календаря был опубликован объемный очерк о русско-японской войне, написанный, вероятно, самим издателем, и являющийся примером настоящей публицистики.

В календаре содержались исторические повествования о языческих божествах славян и о крещении славянских племен князем Владимиром,

рассказы в стиле жития о князьях В. Мономахе и Я. Мудром. Очень далекий, казалось бы, от актуальных проблем очерк был пронизан публицистическим пафосом. И. С. Михеев как миссионер, переводчик всех 4-х Евангелий на усовершенствованном им самим современном удмуртском литературном языке вел агитацию за крещение удмуртов, многие из которых со времен Ивана Грозного продолжали придерживаться языческой веры. Раньше «славяне не знали настоящего Бога, поэтому они поклонялись несуществующим существам («ывылтэм макеослы») [10], – заключает автор и призывает удмуртов-язычников брать пример со славян.

Другие блоки материалов можно назвать энциклопедией по домоводству, или «этнографией повседневности». Например, в разделе «Советы по строительству домашнего хозяйства» есть рубрики «Пища. Питье. Одежда. Постельные принадлежности. Уход за телом. Посуда. Как надо работать. Как ухаживать за старыми людьми. О природе воздуха в помещении. Уход за ребенком. Как ухаживать за беременными женщинами – до родов и после родов. Заразные болезни. Незаразные болезни. Об уходе за ребенком-грудником. Как оказать первую помощь утопленнику. Об уходе из жизни. Об употреблении кумышки (удмуртское название алкогольного напитка, изготовленного из картофеля. – *А.Ш.*). О табакокурении» [11]. Своими полезными советами И. С. Михеев охватывал весь жизненный цикл человека: от рождения до смерти.

Следуя его советам по уходу за огородом, можно судить, какие овощи культивировали удмурты в то время: картофель, капусту, огурцы, лук, свеклу, морковь. В календарях давались также советы по разведению плодового сада. В материалах других рубрик автор учил своих читателей передовой агротехнике и зоотехнике.

Ценные советы давал И. С. Михеев по лечению трахомы – глазной болезни, которая была распространена среди поволжского населения. Вся эта информация для удмуртского читателя, только что осваивающего грамоту в пореформенных условиях, была социально важной и обладала новизной и актуальностью.

С каждым номером календари становились лучше по содержанию и верстке, по полиграфическому исполнению. Последний номер календаря в 1910 г. был иллюстрированным. На фотографии – четыре женщины, на другой – трое мужчин в национальных костюмах, на других фотографиях – группа учащихся из Карлыганской центральной школы с ее основателем и учителем К. А. Андреевым. В этом номере был опубликован очерк «Карлыганские удмурты» о специфической группе удмуртов, живущих среди народа мари.

Календарями издания названы были лишь потому, что в каждом номере присутствовали церковные календари – месяцесловы. На самом деле календари представляли собой ежегодные журналы. В них были впервые опубликованы стихотворение А. Кольцова «Думы селянина» в переводе под названием «Вузэм пилэн эсэбез» («Раздумья совершеннолетнего юноши»), баллада М. Можгина «Беглой» («Беглый»), которая положила начало целому циклу произведений разных жанров, называемому «беглоиадой».

По своему типу календари И. С. Михеева, издававшиеся в 1904–1909 гг., напоминали татарские календари, которые по своим функциям, периодичности, универсальности информации, появившись «на месте отсутствующих газет и журналов и некоторое время выполняя их функции, смогли занять свое место среди других изданий: они и по сей день представляют собой важное средство массовой и специальной информации» [10].

Ценный опыт издания михеевских календарей был продолжен в виде политических календарей типа «блокнотов агитатора» или «календарей знаменательных дат». Но такого насыщенного по содержанию календаря, как у И. С. Михеева, на удмуртском языке уже не было.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Рус. яз., 1981. С. 253.
2. *Домокош П.* История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. С. 186–187.
3. Журналистика Удмуртии: история и современность. К 100-летию удмуртской национальной периодической печати / под ред. А. А. Вахрушева. Ижевск: УдГУ, 2006.
4. *Зайни Р. Л.* К вопросу о календаре как типе периодического издания (на примере календарей на татарском языке) // Ученые записки Казанск. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Т. 151. Кн. 5. Ч. 1. 2009. С. 116.
5. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / под ред. Л. П. Громовой. СПб: СПбГУ, 2003. С. 19.
6. *Кудаков О. Р.* Первопечатные «Ведомости» (1702–1727): к истокам отечественной прессы. Казань: ЗАО «Новое знание», 2002. С. 3–19.

Этническая журналистика: история и современность

7. Очерки истории удмуртской советской литературы. Ижевск: Удмуртск. книжное издание, 1957. С. 8–9.
8. Петрова Е. Н. Удмуртская национальная пресса в контексте становления периодической печати поволжско-уральского региона (1904–1920) // Пресса и власть на уроках у свободы слова. 300 лет российской прессе. Региональный аспект / отв. ред. А. Г. Шкляев. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 48–56.
9. Уваров А. Югдыт ысьес. Удмурт литературалэн кылдэмез сярысь очеркъес. Ижевск: Изд-во «Тодон», 1994. С. 36–37.
10. Удмурт кылын календарь на 1908. Казань: Центральная типография, 1907. С. 5.
11. Удмурт кылын календарь на 1910. Казань: Центральная типография, 1909. С. 10–15.
12. Черевко Т. С., Gladkova A. A. Интернет-СМИ России на языках этнических групп // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 5. С. 56–72.
13. Domokos P. *Az udmurt irodalom tortenete*. Budapest: Akademiai kiado, 1975. P. 224–225.